КУЛЬТУРА

ЗУЕНКО Иван Юрьевич

младший научный сотрудник института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

Электронная почта: ivanzuwei@gmail.com

Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлунцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР

УДК 413.11(518)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/85-98

Статья рассказывает о малоизученном феномене русскоязычной топонимики на территории современной КНР (непосредственно в провинции Хэйлунцзян и округе Хулун-Буир АРВМ). Особое внимание уделяется процессам адаптации инородных по происхождению названий в России и Китае, которое привело к различным феноменам: наличию массива китайязычных «народных названий», находящихся в активном обороте на юге Дальнего Востока, и полному забвению пласта русскоязычной топонимики в Китае.

*Китай,
Северо-Восточный
Китай,
Хэйлунцзян,
Внутренняя Монголия,
топонимика,
русская эмиграция,
культурное наследие,
образ России*

Образ одной страны в другой – сложный феномен, на развитие которого влияет сумма факторов исторического, культурного, лингвистического и даже географического характера. Сравнительно малоизученной в этом контексте является роль такой, казалось бы, исключительно ориентированной на практические цели отрасли географии, как топонимика. Человек, ежедневно и ежечасно сталкиваясь с различными типами топонимов¹ в своей каждодневной деятельности, считывает заложенный в них историко-культурный код и переосмысливает окружающую действительность в соответствии с этим кодом.

Массив географических названий формируется под воздействием нескольких факторов, из которых важнейшими являются физические свойства объекта и история взаимодействия общества с ним. Наравне с официальным «топонимотворчеством» существуют и механизмы появления «народных названий», которые и являются основными для формирования историко-культурного кода топонима и, следовательно, образа местности или страны. Л. С. Берг писал: «Будучи результатом <...> наблюдений и продуктом творчества такого гениального коллектива, каким является народ, народные термины заслуживают самого внимательного отношения, как филологов, так и в особенности географов... Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизаций, перемещения народных масс и взаимные влияния соседних народностей», цит. по [5, с. 99]. Россия как страна, большая часть территории которой издавна являлась зоной колонизационного освоения, в этом контексте

Разделы 1 и 3 настоящей статьи подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Образ Китая и России в зеркале средств массовой информации двух стран», № 16-31-01043-ОГН. Раздел 2 подготовлен в рамках задания ИИАЭ ДВО РАН.

¹ Топонимы – онимы (названия), используемые для обозначения географических объектов, включая населенные пункты. Категории топонимов, используемые в данной статье: ойконимы (названия населенных пунктов), урбанонимы (внутригородские объекты), хоронимы (территории, административные единицы), оронимы (элементы рельефа), гидронимы (водные объекты).

Для цитирования:
Зуенко И. Ю. Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлунцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 85–98. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/85-98

² Термин «отходники» применительно к поданным Цинской империи, пересекавшим границу России для того, чтобы заниматься таёжными, морскими промыслами и добычей полезных ископаемых, был введен в отечественную литературу Ф. В. Соловьевым [8]. Термин представляется не вполне корректным, так как ранее «отходничество» как феномен был описан на материале внутренней трудовой миграции в Российской империи, где «отходники» были крестьянами, которые уезжали работать в города вахтовым методом. Тем не менее, так как иной, более подходящий, термин до сих пор не выдвинут, автор считает возможным использовать термин, предложенный Ф. В. Соловьевым, но предостерегает от двух заблуждений, которые могут быть этим вызваны. 1) «Китайское отходничество» – процесс не внутренней, а трансграничной трудовой миграции; 2) китайские отходники в понимании Соловьева – это охотники, рыбаки и собиратели, работавшие в ненаселенной местности, а не в городах. Само понятие суверенитета, характерное для Цинской империи, кардинально отличалось от российского. «Китайские отходники» в силу качественно иного понимания государственного суверенитета не

представляет идеальный пример. Значительная часть топонимики на территории России имеет неславянское происхождение: финно-угорское, тюркское и др. Осваивая новые земли, интегрируя местное население в «плавильный котёл» единой нации, русские первопроходцы и поселенцы охотно заимствовали местные географические названия, находя их использование более удобным: как с точки зрения общения с местными жителями, так и для собственных нужд.

Не стали исключением и те земли, которые вошли в состав Российской империи по итогам договоров с Цинами в 1858 и 1860 гг., равно как и территории, осваивавшихся Россией в рамках концессионных договоров о КВЖД (1897–1935 гг.) и конвенции об аренде Ляодунского полуострова (1898–1905 гг.) Подавляющее большинство местной топонимики (за исключением ойконимов и названий морских объектов) имеет здесь тунгусо-маньчжурское происхождение, т. е. восходит к аборигенному населению. Однако инородная по происхождению топонимия не может быть заимствована другим народом в неизменном виде. Как и следует из приведенной выше цитаты Л. С. Берга, народ *адаптирует*, подстраивает под особенности своего языка и собственных традиций ономастики те названия, которые он перенимает у соседей. Так произошло, например, в Приморском крае. Адаптируя географические названия тунгусо-маньчжурского и китайского (носителями которых изначально были китайские «отходники»²) происхождения, русские поселенцы создали уникальный топонимический комплекс, в котором сочетаются черты трех различных языковых семей [3, с. 88]. Например, в «народном названии» местности у озера Черепашьего возле г. Артём – «Амбабоза» – видны заимствования из тунгусо-маньчжурских языков («амба» – тигр), китайского языка («поцзы» – маленькое озерцо), и русского языка (окончание «за»). Еще ярче механика адаптации инородных названий проявилась в другом «народном названии» этой же местности: «Бомбовоз», что представляет собой попытку воспроизвести воспринятое на слух непонятное название «Амбабоза».

Будучи инородными по происхождению, пусть и в адаптированной форме, эти топонимы несли свой «историко-культурный код», обозначая территорию, к которой они относились, как зону фронта, контакта цивилизаций и осваиваемого пространства. «Китайский образ» (или, если угодно, «след») в этом комплексе был очевиден. Этот «след» появился в результате деятельности китайских отходников («ханьцзу» по своей этнически-языковой принадлежности) [8, с. 20], которые в представлении русских колонистов слились с аборигенным тунгусо-маньчжурским населением («маньцзу») и обозначались единым условным термином «манзы». Именно китайские отходники породили десятки простых и точных названий для географических объектов Уссурийской тайги (реки, горы, долины), которые через посредничество картографов и русских поселенцев заполнили русскоязычные карты, пусть и в искаженном виде (см. [9]).

Создаваемый тем самым «образ» сохранялся и десятилетия спустя после того, как китайское население было выселено из приграничных районов Дальневосточного края (1937–1938 гг.). Самым простым выводом из анализа этого образа был тезис о том, что «раз существуют китайские географические названия, то значит и земли эти были китайскими»³. Очевидно, так рассуждало советское руководство, на

волне охлаждения отношений с КНР, проведя в 1972 г. переименование китайязычных топонимов [7]⁴.

«Народные названия», восходящие к старой дореформенной китайязычной топонимике, тем не менее остались в обиходе и являются важной составляющей местной региональной идентичности. Условно говоря, для местных важно называть реку Артёмовка «*Майха*», а бухту Лазурную «*Шаморой*», потому что это подчёркивает их «местность», «укоренённость», в отличие от официальных названий, которые используют приезжие. Данный феномен описан как в научной [3], так и научно-популярной литературе [1].

Примечательно, что в Китае также существует русскоязычная топонимика. В период хозяйственного освоения отдельных районов Маньчжурии русское население создало определённый массив географических названий, который существовал (в т. ч. в официальных картах) вплоть до 1960–70 х гг. и исчез в результате «картографической чистки» со стороны китайских властей. Рассмотрению этого феномена посвящена данная статья.

По оценке автора, статья не претендует на полноту исследования по данной теме, а имеет характер попытки ввести в научный оборот сюжет русскоязычной топонимики Китая с опорой, прежде всего, на имеющиеся китайские источники [14; 15]. При работе над статьёй был обнаружен ряд трудностей, затрудняющих идентификацию географических объектов и требующих работы с архивами КВЖД и подразделений гражданской администрации приграничных уездов КНР, которые на данный момент закрыты для российских исследователей. Таким образом, не имея возможности свериться с подробными картами и кадастровыми схемами того времени, опираясь только на китайские документы, автор не смог достоверно «опознать» все топонимы, которые китайской стороной обозначаются как «русскоязычные» (все слова представлены в иероглифической записи, адаптирующей звучание иностранной речи под слоговой строй китайского языка). В то же время некоторые результаты все же были достигнуты. Это позволяет рассматривать статью как определённый вклад в дело изучения русского культурного наследия в Китае и тем самым, как смеет надеяться автор, оправдывает её появление на страницах научного журнала.

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию, необходимо более чётко обозначить его географические и исторические рамки.

В статье описан массив географических названий на территории провинции Хэйлунцзян и Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) КНР, которые появились в период хозяйственного освоения этих земель русскими и обозначались китайскими документами как «русскоязычные». Вне поля зрения данной статьи находятся географические названия, появившиеся на Ляодунском полуострове в короткий период аренды его Российской империей. Отдельный интерес представляют урбанонимы русского происхождения, а именно: названия улиц, площадей китайских городов, находившихся в «зоне отчуждения» КВЖД (прежде всего Харбина), в настоящий момент переименованных, но частично сохранившихся (улица Гоголя – *Гогэли дацзе*, Большой проспект – *Дачжицзе* и т. д.). Данная тема требует отдельного исследования.

На основании проделанной работы автор надеется показать, как трансформируется образ страны, выраженный через топонимику, в

воспринимали свою деятельность как незаконную, что приводило к множественным конфликтам с российской администрацией.

³ Если исходить из тезиса, что понятия «Цинская империя» и «китайцы» не являются тождественными, то указанное утверждение, по мнению автора, не соответствует исторической действительности. Дискуссия на тему, имелось ли на территории российского Дальнего Востока к началу русской колонизации существенное оседлое китайское население, является объектом ожесточенной полемики, приводить которую в данном тексте не имеет никакого смысла.

⁴ Если исходить из тезиса, что понятия «Цинская империя» и «китайцы» не являются тождественными, то указанное утверждение, по мнению автора, не соответствует исторической действительности. Дискуссия на тему, имелось ли на территории российского Дальнего Востока к началу русской колонизации существенное оседлое китайское население, является объектом ожесточенной полемики, приводить которую в данном тексте не имеет никакого смысла.

⁵ Трёхречье – область трёх притоков реки Аргунь (Ган, Тэлбур и Хаул) площадью примерно в 11 тыс. кв. км, осваиваемая забайкальскими казаками. К 1939 г. в Трёхречье жило 6800 человек и насчитывалась 21 станция [13; с. 422]. В настоящий момент административно входит в состав города Хулун-Буир АРВМ, место нахождения единственной на данный момент Эньхэ-Русской национальной волости.

⁶ В пекинском варианте китайского языка (путунхуа) это число будет равно 414.

процессе развития, и иллюстрировать особенности данного процесса на примере Китая.

Структурно работа состоит из трёх частей. В первой анализируются особенности появления русскоязычной топонимики в Китае и адаптации её в китайском языке. Во второй содержатся сведения о переименовании иностранных топонимов в КНР в целом и в провинции Хэйлунцзян в частности. Третья часть представляет собой сводную таблицу русскоязычных топонимов в обозначенных регионах КНР.

Появление русскоязычной топонимики в Китае. Особенности передачи топонимики иностранного происхождения в китайском языке

Как было сказано выше, распространение русскоязычной топонимики в Китае было весьма ограничено по географическому и хронологическому охвату. Особенности национальной топонимической традиции (склонность заимствовать аборигенные географические названия) повлияли на то, что на новой для себя «территории освоения» русские администраторы и поселенцы не стремились насаждать топонимы славянского происхождения.

Фактически в географическом отношении выделяется две сферы, в которых появлялись русскоязычные топонимы: 1) КВЖД и населённые пункты (станции) вдоль железной дороги, 2) приграничные территории в Трёхречье⁵ и в долине Амура, основанные и населённые русским населением (продолжает компактно населяться русским нацменьшинством КНР – «элосыцзу»). В первой сфере доминируют ойконимы, во второй – гидронимы и ойронимы.

В хронологическом отношении возникновение русскоязычной топонимики относится к периоду активного хозяйственного освоения русскими отдельных районов Маньчжурии и Трёхречья (последние десятилетия XIX века). После 1905 г., когда экспансия России в этом направлении была приостановлена, появление новых названий не фиксируется. Окончательно топонимы русского происхождения исчезли из официального оборота после 1977 г. В отличие от китайскоязычной топонимики Приморья не появился феномен русскоязычных «народных названий».

Предположение о том, что это не произошло из-за некоего желания китайцев «умолчать» (скрыть) русскую историю Харбина и КВЖД не может быть принято в качестве объяснения, так как для харбинского диалекта характерно активное использование целого ряда русских по происхождению слов: «леба» 列巴(хлеб), «гэвасы» 格瓦斯(квас), «пицзякэ» 皮夹克(пиджак) и т. д.

На наш взгляд, то, что в Китае не появилось русскоязычной «народной топонимики», которая была бы в обиходе у местного китайского населения, объясняется не только (и не столько) малыми масштабами проникновения русскоязычной топонимики в географию Китая, но и особенностями китайского языка, адаптирующего любое иностранное слово под иероглифическую графику и слоговый строй. Иначе говоря, в отличие, например, от английского языка, где любой иностранный топоним (за редким исключением) записывается именно так, как он пишется на языке оригинала (латиницей или латинизированной транскрипцией), в китайском язык любой иностранный топоним будет прежде всего разложен на слоги, избранные из огра-

ниченного числа⁶, а затем «привязан» к определённом иероглифу. Например, слово «Благовещенск» после такой «адаптации» будет звучать как «*Булагэвэйшэньсыкэ*», а записываться 布拉戈维申斯克⁷.

После такой адаптации любой иностранный топоним теряет свой «историко-культурный код», хотя и остаётся для китайца очевидно иностранным по происхождению. При этом происхождение разных слов из разных языков при подобной трансформации, как правило, китайцами не воспринимается, а иногда и ошибочно интерпретируется в качестве китайского [11, с. 71]. Характерный пример: из личного опыта автору известно, что «Харбин» и «Ябули» – два топонима, имеющих явно инородное происхождение (оба не имеют никакого смысла на китайском языке) – для китайского обывателя звучат одинаково: как некие непонятные, очевидно иностранные по происхождению слова. Китайский обыватель не различает, что слово «Харбин» происходит из одного из тунгусо-маньчжурских языков [14, с. 10; 11, с. 68], а «Ябули» происходит из русского языка и означает «Яблони» (изначальная форма этого топонима – *Ябулони* 亚布洛尼) [15, с. 93]. Более того, будучи записанными иероглификой, эти топонимы читаются и иностранцами по-китайски, без привязки к языку их происхождения.

Хотя в русском языке, благодаря интенсивности контактов русских в Маньчжурии, отсылка к «некитайскому» происхождению отдельных топонимов этого региона сохраняется. Так, на наших картах присутствуют Харбин, а не *Хаэрбинь*, как следовало бы из прочтения иероглифического названия 哈尔滨, Цицикар, а не *Цицихаэр* 齐齐哈尔. Наконец, Сунгари, а не *Сунхуацзян*, как называется эта река по-китайски, и Хинган, а не *Синганьлин*, как называется в китайском языке этот хребет. Во всех случаях в русском языке сохранилось произношение топонимов, более близкое к их изначальному тунгусо-маньчжурскому звучанию, чем искаженному китаеязычному.

Так или иначе, особенности китайского языка максимально осложняют идентификацию образа, заложенного в инородном по происхождению топониме, во всяком случае, для иностранного наблюдателя. Такой топоним, потенциально способный стать ключом к пониманию характеристики местности и истории её освоения, выпавая из активного употребления в иностранном языке, очень скоро превращается для иностранца в *китайское слово*.

Показателен пример приграничной города Маньчжоули (АРВМ) – бывшей станции КВЖД *Маньчжурия*. Русские называли станцию, которая являлась первой на территории Цинской империи по пути следования из Санкт-Петербурга, по аналогии со станцией *Даурия*, которая находилась в российском приграничье. Тем самым как бы показывалось: там Даурия, а здесь Маньчжурия. Топоним «Маньчжурия» имел в данном контексте значение «*Ворота в Маньчжурию*». Примечательно, что маньчжурские земли находились к востоку от хребта Хинган (примерно в 500 км), тогда как местность вокруг станции *Маньчжурия* относилась к Монголии. Данное обстоятельство способствовало тому, что китайское население этих мест не воспринимало русское название станции как ключ к понятию «Ворота в Маньчжурию», а адаптированной версией названия стало не имеющее смысла слово *Маньчжоули* (满洲里, дословно «Маньчжурская миля»), образованное по принципу звукоподражания. После нацио-

⁷ В пекинском варианте китайского языка (путунхуа) это число будет равно 414.

⁸ Вследствие того, что подобная трансформация неудобна и для носителя китайского языка, многие географические объекты имеют традиционные китайские названия, которые остаются в обиходе по сей день, хотя и считаются устаревшими и неприемлемы для официального употребления. Например, Благовещенск имеет китайское название «Хай-ланьпао» 海兰泡. Иногда «сложное» русское название сокращается китайцами. Например, Гродеково по-китайски «Гэ-лоцзекэво» (格罗杰科沃), а в обиходе просто «Гэ-чэн», т. е. «город Гэ» (葛城). Любопытно, что в данном случае произошла замена иероглифа, которым обозначается первый слог топонима, что можно считать своеобразным проявлением «народной топонимики».

⁹ На русском языке активно используются оба топонима, хотя, например, в Забайкальском крае в подавляющем большинстве случаев будет использоваться именно исторический топоним.

¹⁰ Ранее Цзинин (鸡宁) и Синшань (山) соответственно. Названия не несут какого-либо подтекста, поэтому стремление их переименовать может объясняться только желанием избавиться от какого-либо наследия власти марионеточного государства Маньчжоу-го.

нализации КВЖД и отъезда русского населения китайязычное наименование «Маньчжоули» вытеснило историческое русское название «Маньчжурия» из употребления на всех языках мира, кроме русского⁸. Предположительно, топоним «Маньчжоули» для иностранца должен восприниматься как китайское слово (во всяком случае, без привязки к его русскому происхождению) – потому что *он звучит и выглядит* как китайское слово. То же самое можно было бы сказать и про другие топонимы русского происхождения.

Однако данное обстоятельство не защитило их от кампании по переименованию, проведённой во второй половине 1970-х гг.

Переименование топонимов иностранного происхождения в Китае в целом и в провинции Хэйлунцзян в частности

Топонимика, доставшаяся Китайской Народной Республике в наследство от периода полуколониальной зависимости, уже в первые годы существования новой власти была подвергнута ревизии и переименованию. В северо-восточных провинциях КНР эта ревизия касалась прежде всего названий, связанных с деятельностью властей Маньчжоу-го и японской армии (в документах они обозначаются аббревиатурой «дивэй» 敌伪, т. е. «враги и марионетки»). Уже в 1949 г. в рамках зачистки от топонимов «дивэй» в провинции Хэйлунцзян свои нынешние названия получили уезды (ныне города) Цзиси и Хэган⁹ [15, с. 90]. Аналогичные процессы происходили по всей стране. 19 декабря 1951 г. Госсовет КНР принял постановление о переименовании географических названий¹⁰.

Переименование иностранных названий касалось прежде всего урбаномик. Топонимы, происходящие из языков национальных меньшинств КНР (монгольского, тибетского, уйгурского, маньчжурского и др.), в соответствии с концепцией многонационального государства, сохранялись. В некоторых случаях, если существовало два параллельных названия (например, ханьское Дихуа и уйгурское Урумчи, ханьское Гуйхуа и монгольское Хух-Хото), для официального использования предпочиталось «нацменское» название.

При этом существуют данные и о переименовании тунгусо-маньчжурских топонимов. Так, в 1977 г. был переименован эвенкский по происхождению гидроним Бий Гадзимур (大甘吉木耳河)¹¹. Кроме того, уточнялось и исправлялось восемь орончонских, пять монгольских, три даурских и два «предположительно японских» названия. В большинстве случаев речь шла об исправлении иероглифического написания топонимов при сохранении звучания [15, с. 93, 96].

Переименование русскоязычных топонимов осуществлялось иначе. Происходило не их «уточнение», а их зачистка. При этом русские (элосыцзу) являлись и являются одним из официально признанных национальных меньшинств КНР и имеют те же права на сохранение своей топонимики, как и, например, монголы, маньчжуры или уйгуры.

Впервые кампания, направленная на «зачистку» русскоязычных топонимов, была запущена в 1963 г. в соответствии с совместным документом Министерства внутренних дел КНР¹² и Госуправления картографии «Уведомление о некоторых предложениях по проведению изучения русских географических названий»¹³. Следуя указанию из Центра, провинциальный Департамент гражданской администрации

провёл ревизию и выделил 20 русскоязычных топонимов, которые использовались в прошлом, но к настоящему моменту имеют китайское название (в основном это были улицы города Харбин, а также острова на р. Амур), и 9 топонимов, которые не имеют китайского названия [15, с. 91]. 27 декабря 1963 г. в Пекин был направлен письменный отчёт, содержащий предложение предпринять переименование русскоязычных топонимов, а также примечание, что ещё ряд географических названий требует дополнительного изучения [15, с. 91]. Спустя год, 26 декабря 1964 г., Госсовет КНР по ходатайству Министерства внутренних дел утвердил предложение властей провинции Хэйлунцзян [15, с. 91].

14 апреля 1965 г. Народный комитет провинции Хэйлунцзян принял постановление «О переименовании русскоязычных географических названий»¹⁴, согласно которому переименованию подлежали топонимы в уездах Хума, Сунькэ, Линькоу, Фуюань и др. [15, с. 91] – всего 29 наименований.

В период «культурной революции» (с 1966 г.) намеченная ранее работа по ревизии предположительно русскоязычных топонимов была приостановлена из-за паралича системы управления в стране. Вернулись к этой деятельности в 1975 г., когда в структуре хэйлунцзянского Революционного комитета начала работать Канцелярия по обследованию географических названий¹⁵, которая взялась за ревизию топонимов на уровне уездов и хошунов¹⁶. Результатом работы стал список из 46 топонимов, требующих переименования или уточнения (в него попали названия, как русскоязычные, так и на языках национальных меньшинств). 3 апреля 1977 г. Госсовет КНР утвердил предложение о переименовании географических названий в провинции Хэйлунцзян, а 4 того же года соответствующее постановление вышло от лица провинциального Ревкома. Переименованию подлежали: 31 топоним – по причине происхождения из русского языка, а также 52 топонима – по другим причинам (уточнение иероглифического написания, принадлежность к категории «топонимы *дивэй*» и др.) [15, с. 93].

Таким образом, всего за период проведения кампаний по переименованию русскоязычных топонимов новые названия получили 60 объектов. Любопытно, что, например, уезд Маньчжоули (Маньчжурия) – пожалуй, наиболее крупный населённый пункт из тех, названия которым дали русские – переименования избежал. В целом же волна переименований коснулась небольших населённых пунктов, рек, долин, гор, а также административно-территориальных единиц в составе города Харбин.

Примечательно, что первая кампания по зачистке русскоязычных топонимов началась почти за десять лет до того, как аналогичные действия были предприняты советской стороной. Геополитический мотив в этом совершенно очевиден. Отношения между КНР и СССР, дав трещину в середине 1950-х гг., к 1960 г. испортились окончательно. Ещё за несколько лет до начала «культурной революции» Пекин решил начать «картографическую войну». Советский Союз приступил к аналогичным мерам уже после военного конфликта на острове Даманский в 1969 г.

¹¹ 国务院关于更改地名的指示

¹² 中央内务部 – в нынешней структуре высших органов КНР отсутствует.

¹³ 关于请对存在俄语地名的问题进行调查研究的处理意见的通知

¹⁴ 关于更改俄语地名的批复

¹⁵ 地名核调办公室. В 1978 г. была преобразована в Руководящую группу по географическим названиям провинции Хэйлунцзян (黑龙江省地名领导小组)

¹⁶ Восточные районы Внутренней Монголии в 1969–1979 гг. были включены в состав провинций Хэйлунцзян и Цзилинь, при этом там сохранялись традиционные формы административного устройства и номенклатура («хошуны» 旗 являются монгольским аналогом уезда 县) [4]. Таким образом, работа по переименованию русскоязычных топонимов в 1975–1977 гг. велась из одного центра – из Харбина.

Табл. 1. Данные о переименованных русскоязычных топонимах провинции Хэйлунцзян и АРВМ (согласно [15])¹

Источник: составлено автором

Русскоязычные топонимы провинции Хэйлунцзян и АРВМ: до и после переименования

Русское название (в случае, если оно идентифицируется)	Иероглифическая запись русского названия и прочтение в китайском языке	Название после переименования	Характеристика объекта ²
<i>Кампания по переименованию 1963–1965 гг.</i>			
Матёра	马托拉 (Матола)	Бэйцзи (дословно «Северный предел») 北极村	Деревня в уезде Хума
Амур	额木耳 (Эмуэр)	Синъань («Хинган») 兴安村	Деревня в уезде Хума
Маслуковский	马斯鲁克岛 (Масы-лукэ)	Цзяндао (дословно «остров Речной») 江岛	Остров в уезде Хума
	四克金村 (Сыкэцзинь)	Сыхэ 四合屯 (звукоподражание)	Поселок в уезде Хума
	嘎扎萨克村 (Гачжасакэ)	Цзянвань 江湾屯 («Изгиб реки»)	Поселок в уезде Хума
	契纳果夫套子 (Циногофу)	Баюань 宝原 («Драгоценная долина»)	Долина в уезде Сунькэ
Александровка	亚历山大队 (Ялишаньда)	Луншань 龙山大队 («Драконья гора»)	Большая производственная бригада ³ в уезде Линькоу
	沙曼屯 (Шамань)	Ликвидирован, включен в состав квартала Сюэфулу	Поселок в городе Харбин
Московские казармы	莫斯科兵营 (Мосыкэ бинъин)	Ликвидирован. Включен в кварталы Миньшэнцзе и Миньаньцзе	Квартал в городе Харбин
Яблоня	亚布洛尼 (Ябулони)	Ябули (звукоподражание) 亚布力	Местность в городе Шанчжи, известный горнолыжный курорт
	布土夺维 (Бутудовэй)	Датун («Великое единение») 大同村	Деревня в уезде Цзяинь
	布鲁萨吉 (Булусацзи)	Юнъань («Вечное спокойствие») 永安村	Деревня в уезде Цзяинь
	杂吉布 (Цзацзибу)	Чаоян («Восходящее солнце») 朝阳镇	Поселок в уезде Цзяинь

Сенной	仙诺伊岛 (Сяньной)	Шуанхэдао («Остров двойной реки») 双河岛	Остров в уезде Цзяинь (здесь и далее – на р. Амур)
Верхгородный	维汉各拉德内伊岛 (Вэйханьгэладэнэйи)	Лаочэнтоу («Остров старого Чэн-тоу») 老程头套子	Остров в уезде Цзяинь
Аянский	啊阳斯基岛 (Аян-сыцзи)	Люгуанли («Остров Лю Гуанли») 刘广利套子	Остров в уезде Цзяинь
Кадачинский	卡达琴斯基岛 (Кадацинсьцзи)	Тайпин («Великое равновесие») 太平套子	Остров в уезде Цзяинь
Птичий	普梯气伊岛 (Пути-ци)	Синьфа («Новый старт») 新发套子	Остров в уезде Цзяинь
	细秦岛 (Сицинь)	Гэбуцихэ (смысл неясен) 格不气河套子	Остров в уезде Цзяинь
Песчаный	别斯查诺伊岛 (Бесычаной)	Цзяиньхэ («Остров реки Цзяинь») 嘉荫河套子	Остров в уезде Цзяинь
	麦托石拉河 (Майтошила)	Хуланьхэ (Хулань – название из маньчжурского языка) 呼兰河	Река в уезде Тели
Кампания по переименованию 1975–1977 гг.			
	安罗卡岛 (Аньлока ⁴)	Синъаньдао («Остров радости и спокойствия») 兴安岛	Остров в уезде Хума
Вагань	瓦干岛 (Вагань)	Синьсиндао («Новая радость») 新兴岛	Остров в уезде Хума
	卡马坎大河 (Камаканьда)	Хунцилинхэ («Красное знамя») 红头河	Река в уезде Хума
	马路斯克 (Малусыкэ)	Юэмахэ («Скачущий конь») 跃马河	Река в уезде Хума
Яростное	亚拉斯诺尔沟 (Яласыноэр)	Люкашанэр (смысл неясен) 六卡上二岛沟	Ущелье в хошуне Аргунь-Юци
	啊拉斯但 (Аласыдань)	Люхэтоу («Долина по течению реки») 流河头岛沟	Долина в хошуне Аргунь-Юци
Майская долина	马雅斯沟 (Маясы)	Цзюкашанэр (название из монгольского языка) 九卡上二岛沟	Долина в хошуне Аргунь-Юци

Осиновый ручей	奥希诺维依河 (Ао-синовэйи)	Цицзяньсы («Четвертая долина Аргуньского уезда») 奇乾四岛沟	Ручей и долина в хошуне Аргунь-Юци
	不柳木苏沁 (Булю-мусуцин)	Цзифанцзы («Куриная фанза») 鸡房子沟	Долина в хошуне Аргунь-Юци
Головань	嘎拉湾北山 (Гала-вань)	Эньхэ (название из монгольского языка) 恩和北山	Гора в хошуне Аргунь-Юци
Сухостой	斯和苏沁沟 (Сыхэ-сучин)	Ганьба («Сухой») 干巴	Ручей и долина в хошуне Аргунь-Юци
Бакалейное	巴卡列伊诺也胡 (Бакалейное)	Люкабаоцзы («Озеро Лю-Ка»)	Озеро в хошуне Аргунь-Юци
Ягодная	雅阁丹山 (Ягэдань)	Аньганнаньшань («Южная гора Спокойной заставы») 安岗南山	Гора в хошуне Аргунь-Юци
Зелёная	吉了哪西山 (Цзилэна)	Гунашишань (название из монгольского языка) 古纳西山	Гора в хошуне Аргунь-Юци
Сухой ручей	苏霍依鲁奇沟 (Сухолуци)	Ганьшихэ («Сухие камни») 干石沟	Ручей и долина в хошуне Аргунь-Юци
Градинка	哥拉金卡河 (Гэлацзинька)	Чжилюхэ («Прямое течение») 直流河	Река в хошуне Аргунь-Юци
Кривая	各利喔依河 (Гэли-вои)	Цицзяньсань («Третья река Аргуньского уезда») 奇乾三岛河	Река в хошуне Аргунь-Юци
	哇兰奇卡 (Валань-цика)	Цицзяньэр («Вторая река Аргуньского уезда») 奇乾二岛河	Река в хошуне Аргунь-Юци
	尼斯奈依里干河 (Нисынайилигань)	Шуанчахэ («Двойная развилка») 双岔河	Река в хошуне Аргунь-Юци

Примечания к таблице

1. Из 60 переименованных русскоязычных названий в данной таблице будет представлено 40: остальные относятся к наименованию улиц в Харбине, либо являются дублирующими: например, острова Вагань, Верхний Вагань и Нижний Вагань – в таблице представлен только остров Вагань.

2. По системе административно-территориального деления на момент переименования.

3. Административная единица в составе народной коммуны (существовали до 1982 г.), примерно соответствует нынешней деревне.

4. В китайских документах название острова связывается с неким русским мужским именем [15, с. 94].

Название, известное по русским источникам	Современное название	Статус
Драгоценка	Саньхэ («Трехречье») 三河	Село, центр Саньхэ-Хуэйской национальной волости хошуна Аргунь-Юци
Верх-Кули	Шанкули (дословный перевод: «Верхние Кули») 上库里	Поселок в хошуне Аргунь-Юци
Усть-Кули	Сякули (дословный перевод «Нижние Кули») 下库里	Поселок в хошуне Аргунь-Юци
Караванная	Эньхэ (название из монгольского языка) 恩和	Село, центр Эньхэ-Русской национальной волости хошуна Аргунь-Юци
Ключевая	Соответствие не установлено	
Щучья	Соответствие не установлено	
Дубовая	Соответствие не установлено	
Ширфовая	Соответствие не установлено	
Ерничная (Ернишная)	Соответствие не установлено	
Покровка	Соответствие не установлено	

Примечания к таблице

1. Приведены по: [2; 6]. Значительная часть названий станиц Трёхречья (Лобдарин, Попирай, Тулунтуй и т. д.) происходили из монгольского или тунгусо-маньчжурских языков.

Табл. 2. Станицы Трёхречья с названиями русского происхождения¹
Источник: составлено автором

Название, данное при строительстве	Китайский вариант названия (используется по настоящее время)	Нынешний статус
Маньчжурия	满洲里 (Маньчжоули, звукоподражание)	Станция и город уездного значения в городском округе Хулун-Буир
Пограничная	绥芬河 (Суйфэньхэ, по названию соседней, но не протекающей непосредственно через город реки)	Станция и город уездного значения в городском округе Муданьцзян
Эхо	Отсутствует	Пристанционный поселок слился с городом Муданьцзян
Широкая падь	宽沟 (Куаньгоу, дословный перевод: «Широкая долина»)	Разъезд, ныне район города Суйфэньхэ

Примечания к таблице

1. Приведены по: [10; 12]. В таблицу не включены названия железнодорожных разъездов, существовавших с момента строительства КВЖД по 1930 гг.: Известковский, Интендантский, Нагорный,

Табл. 3. Станции КВЖД с названиями русского происхождения¹
Источник: составлено автором

Подгорный, Казанцево, Лукашево, Самохвалово. В настоящий момент населённые пункты с такими названиями отсутствуют. Подавляющее большинство станций КВЖД имело названия, восходящее к китайским топонимам.

Заключение

Изложенный выше материал наталкивает нас на два вывода:

1. Массив русскоязычной топонимики на территорию нынешних Хэйлунцзяна и Внутренней Монголии существовал в объёме несколько десятков наименований. Он был зафиксирован не только в русских источниках, но и в китайских документах (включая карты). Для носителя русского языка этот массив топонимики нёс определённый историко-культурный и смысловой код: станция Маньчжурия представлялась воротами в этот регион со стороны России, название посёлка Яблоня должно было ассоциироваться с садами и очевидно отдыхом, а, например, название горы Ягодной в Трёхречье – с дарами природы.

2. За редким исключением (типа дословного перевода названия станции «Широкая падь» в Суйфэньхэ) этот образ терялся уже при адаптации названия на китайский язык. Сложность транскрибирования русских топонимов на китайский лад вынуждала китайцев использовать сокращённые или альтернативные названия (например, *Ябули* вместо *Ябулони*). Будучи разложенными на слоги и записанными иероглифами, русские названия зачастую теряли свою «русскость» даже в восприятии китайцев. Когда китайские власти в середине 1960-х гг. озаботились задачей «чистки» топонимов русскоязычного происхождения (в нарушение прав «элосыцзу» как нацменьшинства КНР), они столкнулись с серьёзной проблемой, не сумев сходу разделить те топонимы, которые попали на их карты от русских, и те топонимы, которые имели местное происхождение. Образ России, выраженный в топонимах, уже померк, а после двух кампаний переименований – исчез полностью.

Новые названия не имеют никакой смысловой нагрузки, связанной с историей колонизации этих земель русскими – причём как для китайцев, так и для русских. В отличие от китаеязычной «народной топонимики» Приморья русскоязычные названия в Китае не сохранились в людской памяти после «картографической чистки» и не являются элементом местной идентичности. Причина этого, на наш взгляд, заключается в особенностях китайского языка и механизме адаптации инородной по происхождению терминологии.

Литература

1. Авченко В. О. Антикитайская грамота. Шамора, Пидан и Суйфун как зеркало приморской картографической революции [Электронный документ] // Свободная пресса. URL: <http://svpressa.ru/society/article/62579/> (Дата обращения: 15.05.2018)
2. Аргудяева Ю. В. Русское население в Трёхречье // Россия и АТР. 2006. № 4.
3. Зуенко И. Ю. Китаеязычная топонимика Приморского края как результат межкультурного взаимодействия в Дальневосточном регионе // Известия Восточного института. 2011. № 1. С. 83–88.
4. Зуенко И. Ю. Развитие системы административно-территориального деления провинции Хэйлунцзян: 1982–2014 гг.

// Россия и АТР. 2015. № 3. С. 187–209.

5. Корнев И. В. География и топонимика в контексте гуманитарного дискурса // Географический вестник. 2014. № 1. С. 41–45.

6. Позднеев Д. Три дня в Трёхречье. Путевые заметки [Электронный документ] // Православие.ру. URL <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40055.htm> (Дата обращения: 15.05.2018)

7. Постановление Совета министров РСФСР от 29 декабря 1972 г. № 753 «О переименовании некоторых физико-географических объектов, расположенных на территории Амурской области, Приморского и Хабаровского краев» [Электронный документ] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7958.htm (Дата обращения: 15.05.2018)

8. Соловьев Ф. В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Владивосток: б. и., 1973. 282 с.

9. Соловьев Ф. В. Словарь китайских топонимов на территории советского

Дальнего Востока. – Владивосток: б. и., 1975. 223 с.

10. Фоменко М. Л. Спутник по Дальнему Востоку. – Харбин: б. и., 1911. 438 с.

11. Хао Цинъюнь. Особенности топонимики китайской провинции Хэйлунцзян // Россия и АТР. 1997. № 1. С. 67–73.

12. Хисамутдинов А. А. Билет в одну сторону: станции Китайской Восточной железной дороги. История в иллюстрациях. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2017. 44 с.

13. Хисамутдинов А. А., Черникова Л. П., Калиберова Т. Н., Поздняев Д. А., Дроздов М. В. Русские в Китае. – Шанхай: Изд. Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. 572 с.

14. 东北三省乡镇地名手册 = Справочник по топонимике волостей и поселков трех северо-восточных провинций. – Пекин, 1988. 86 с.

15. 黑龙江省志: 民政志, 第六十二卷 = Справочник провинции Хэйлунцзян: обзор гражданской администрации, т. 62. – Харбин, 1993. 550 с.

Ivan Yu. ZUENKO

Junior Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Lost Imagery: Toponymics of Russian Origin in China's Heilongjiang Province and Inner Mongolia Autonomous Region

UDC 413.11(518)

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/85-98](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/85-98)

The article is devoted to ways of actualization of the «own/alien» opposition in the folklore culture of the indigenous peoples of the Russian Far East. The markers of «own» and «alien» (habitat, appearance, genealogical relationships, character traits), which are reflected in mythology, epic creativity and everyday stories of the Far Eastern peoples, are shown. The most widespread stories devoted to interethnic conflicts are considered; epic heroes' description typology as ideal representatives of a specific ethnos is revealed; different types of «alien» («stranger») endowed with features of the inhabitants of «other worlds» are shown. The strengthening of the realistic principle in the texts of late origin is noted. Particular attention is paid to the concept of «others», which is not a complete

*China,
North-East China,
Heilongjiang,
Inner Mongolia,
toponymics. Russian
emigration,
cultural heritage,
image of Russia*

analogue of «alien», but is also opposed to «own». The author assumes that the only possible way to overcome xenophobia is to foster respect for another culture by replacing the notion of «alien» («dangerous», «hostile») with the notion of «other».

For citation: Zuenko I. Yu. Lost imagery: toponymics of russian origin in China's Heilongjiang Province and Inner Mongolia Autonomous Region // *Oriental Institute Journal*. 2018. № 2. P. 85–98. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/85-98

References

1. Avchenko V. O. Antikitajskaya gramota. SHamora, Pidan i Sujfun kak zerkalo primorskoj kartograficheskoy revolyutsii [EHlektronnyj dokument] // Svobodnaya pressa. URL: <http://svpressa.ru/society/article/62579/> (Data obrashheniya: 15.05.2018)
2. Argudyaeva Yu. V. Russkoe naselenie v Tryokhreche // *Rossiya i ATR*. 2006. № 4. S. 121–134.
3. Zuenko I. Yu. Kitaeyazychnaya toponimika Primorskogo kraja kak rezul'tat mezhekul'turnogo vzaimodejstviya v Dal'nevostochnom regione // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2011. № 1. S. 83–88.
4. Zuenko I. Yu. Razvitie sistemy administrativno-territorial'nogo deleniya provintsii KHejhluntszyan: 1982–2014 gg. // *Rossiya i ATR*. 2015. № 3. S. 187–209.
5. Kornev I. V. Geografiya i toponimika v kontekste gumanitarnogo diskursa // *Geograficheskij vestnik*. 2014. № 1. S. 41–45.
6. Pozdnee D. Tri dnya v Tryokhreche. Putevyje zametki [EHlektronnyj dokument] // *Pravoslavie.ru*. URL <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40055.htm> (Data obrashheniya: 15.05.2018)
7. Postanovlenie Soveta ministrov RSFSR ot 29 dekabrya 1972 g. № 753 «O pereimenovanii nekotorykh fiziko-geograficheskikh ob»ektov, raspolozhennykh na territorii Amurskoj oblasti, Primorskogo i KHararovskogo kraev» [EHlektronnyj dokument] // Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. URL http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7958.htm (Data obrashheniya: 15.05.2018)
8. Solov'ev F. V. Kitajskie otkhodniki i ikh geograficheskie nazvaniya v Primor'e (vtoraya polovina XIX – nachalo KHKH vv.). – Vladivostok: b. i., 1973. 282 s.
9. Solov'ev F. V. Slovar' kitajskikh toponimov na territorii sovetskogo Dal'nego Vostoka. – Vladivostok: b. i., 1975. 223 s.
10. Fomenko M. L. Sputnik po Dal'nemu Vostoku. – KHarbin: b. i., 1911. 438 s.
11. KHao TSin»yun'. Osobennosti toponimiki kitajskoj provintsii KHejhluntszyan // *Rossiya i ATR*. 1997. № 1. S. 67–73.
12. KHismutdinov A. A. Bilet v odnu storonu: stantsii Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi. Istoriya v illyustratsiyakh. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 2017. 44 s.
13. KHismutdinov A. A., CHernikova L. P., Kaliberova T. N., Pozdnyayev D. A., Drozdov M. V. Russkie v Kitae. – SHankhaj: Izd. Koordinatsionnogo soveta sootchestvennikov v Kitae i Russkogo kluba v SHankhae, 2010. 572 s.
14. 东北三省乡镇地名手册 = Spravochnik po toponimike volostej i poselkov trekh severo-vostochnykh provintsij. – Pekin, 1988. 86 s.
15. 黑龙江省志: 民政志, 第六十二卷 = Spravochnik provintsii KHejhluntszyan: obzor grazhdanskoj administratsii, t. 62. – KHarbin, 1993. 550 s.